

САМАЯ ЮНАЯ Жизель

Впервые за всю историю Большого театра труднейшая главная партия новой редакции балета "Жизель", осуществленной Владимиром Васильевым, доверена 18-летней выпускнице Московской академии хореографии. Нынешним летом принятая в труппу театра и не станцевавшая, по сути, ни одной сольной партии, Светлана Лунькина сразу получила роль, о которой мечтают все балерины. Да еще в премьерном спектакле! Да к тому же роль эту она готовила с Екатериной Максимовой, специально приглашенной в Большой театр для репетиций с Лунькиной. В 1960-м году юная Максимова (имевшая, правда, за плечами уже два сезона работы и несколько сольных партий) успешно дебютировала в этом старинном балете, став первой и любимой ученицей великой Галины Улановой, "подарившей" ей свою Жизель. Теперь, закончив танцевать, Максимова также передает "по наследству" партию другой юной дебютантке, продлив тем самым цепочку преемственности поколений, без которой немислимо современное хореографическое искусство.

"После довольно долгого перерыва, — сказал перед премьерой Владимир Ва-

сильев, — в наш театр, наконец-то, пришла девочка, как мне кажется, соответствующая образу Жизели. Она красива, легка, грациозна, искренна, женственна, и к тому же ее техника крепнет на глазах. На первом же прогоне спектакля она не испугалась огромного пространства сцены Большого театра, не растерялась, а, напротив, внутренне собралась и станцевала лучше, чем в репетиционном зале. Мы с Екатериной Максимовой остались ею довольны. Вообще, когда делаешь новую редакцию какого-то старого балета, гораздо легче начинать работать не с теми опытными солистами, которые уже танцевали этот спектакль много раз (их всегда безумно трудно переубедить), а с совсем молодыми, когда первая большая роль для них становится открытием, а потому и они сами часто становятся открытием для зрителей".

Светлана Лунькина наверняка запомнилась всем, кто видел в мае и в июне 1997 года выпускные концерты Московской академии хореографии. В паре с Андреем Болотиным она танцевала классическое па-де-де из "Спящей красавицы", представ истинно сказочной Авророй в серебристо-белой пачке. Природный лиризм, мягкость и утончен-

ность линий выгодно отличали ее от других выпускниц. Причем запомнился не только изящно-четкий танец этой будущей балерины, но и ее прелестное "фарфоровое" лицо, озаренное лучезарной улыбкой.

...Мы беседовали со Светланой Лунькиной после одной из первых репетиций "Жизели" на сцене Большого театра, еще за три недели до премьеры. Перечитывая сейчас запись нашей беседы, я сознательно оставила текст практически нетронутым — не дополнив его новыми вопросами и ответами, фактами и подробностями. Ведь тогда, в первых числах декабря минувшего года, имя Светланы Лунькиной пока ничего никому не говорило, а "звездные мгновения" ее дебюта были еще впереди...

— Светлана, кто определил Ваше решение пойти в хореографическое училище?

— Вообще в семье у меня никто никакого отношения к балету не имел: папа работал (и сейчас работает) печатником в типографии "Наука" (он мне всегда книги по балету приносил читать), мама была гимнасткой в Народном цирке при ЗИЛе, старшая сестра Галя окончила Финансово-экономический институт. Но после того как родилась я,

Большой театр. — 1998. — (№10). — с. 16 — 18.

а потом, через два с половиной года, моя младшая сестра Юля (которая тоже учится на первом курсе в академии хореографии), мама бросила цирк и целиком посвятила себя нам. Она водила нас с сестрами в театры, на занятия музыкой (я играла на фортепиано и на гитаре, а еще пела в хоре), в бассейн на плавание, в ансамбль имени Локтева. Там педагог и посоветовала маме отдать меня в хореографическое училище. Я не возражала — ведь мне очень нравилось исполнять народные танцы! Вообще танцевать я могла где угодно и когда угодно. Правда, тогда я даже не предполагала, что в балете, оказывается, танцуют совсем не так, как в ансамбле, что там надо вставать на пальцы, а это неудобно и больно! Первые годы учебы у меня никакого энтузиазма не вызвали, классический танец осваивался с трудом. А после уроков в училище мама еще каждый день по три-четыре часа занималась со мной дома: заставляла «растягиваться», «ломала» мне подъем, строго следила за осанкой. Я обливалась слезами и просила отдать меня в бассейн на занятия по прыжкам в воду, которые нравились мне гораздо больше — там хоть не приходилось так мучиться... И, честно говоря, мне кажется, если бы не мама, из меня вряд ли что-нибудь получилось бы. Мы даже когда с ней просто по улице шли, она мне всегда говорила: «Света, ну в чем дело?! Ты же балетом занимаешься, выпрями спину, подтянись, учись выворотной ходить!» А в ответ на мои рыдания я слышала от мамы одно и то же: «Надо, Света! Надо, пойми!»

— *А когда же Вы изменили свое отношение к будущей профессии?*

— Какой-то внутренний перелом во мне произошел только на первом курсе, когда я попала в класс к Марине Константиновне Леоновой и стала уже совершенно по-другому относиться к балету. Я вообще считаю, что в нашей профессии самое главное, когда тебе нравится то, чем ты занимаешься. А если ты только и ждешь, когда кончится репетиция или урок, украдкой смотришь на часы и постоянно думаешь: «Скорей бы домой!» — это же ужас! От занятий балетом необходимо ощущать радость, а если никакой радости нет, тогда и работать не интересно. А в классе у Марины Константиновны я себя как-то по-новому начала ощущать, повзрослела к тому же, наверное. Именно Леонова предложила мне подготовиться для выпуска па-де-де из «Спящей красавицы». Я в училище раньше только вариацию Зари из «Коппелии» танцевала и в маленьких «четверках» участвовала, и тут вдруг — такое сложное па-де-де! А я тогда еще совсем слабенькая была, худая, ноги тонкие, сил не хватало, и мы сначала адажио из

«Спящей» даже на четыре части делили, чтобы я могла хоть немного передохнуть. Мы полгода над этим па-де-де работали, и я уверена была, что никогда его не станцую! А потом, от репетиции к репетиции постепенно стала привыкать, и мне все начало нравиться. «Спящую» я с Андреем Болотинным готовила: мы с ним днем в училище репетировали, а вечером в театре — каждый день. До сих пор понять не могу, почему Марина Константиновна так в меня поверила?! Я, конечно, многим ей обязана...

— *Что Вас еще интересовало помимо балета?*

— До первого курса в училище я вечерами с педагогом занималась — на гитаре училась играть. И когда у нас вечера какие-то были, мы всегда под гитару пели. А в свободное время я читать люблю — стихи, в основном Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета, Есенина... Романы и детективы меня совершенно не увлекают, а вот книги по психологии нравятся — особенно «Психология» Фрейда. Так интересно узнавать, как люди себя ведут в разных жизненных ситуациях, почему поступают так, а не иначе, чем объясняются те или иные сны... После этого начинаешь совершенно по-новому на все смотреть, пытаешься других лучше понять, да и про себя многое узнаешь...

— *А когда стало известно, что Вас приняли в труппу Большого театра?*

— Честно говоря, уже не помню. Когда мы еще в училище занимались, мне подружки-одноклассницы всегда говорили: «Ну, тебя точно в Большой возьмут, что ты волнуешься?!» Вообще у меня никогда не было мечты попасть именно в Большой театр. Мне просто очень нравилось танцевать, а где танцевать и что танцевать — уже не так важно. Конечно, сцена Большого всегда притягивает, этот театр невозможно не любить, но главной целью жизни он не

являлся. После экзаменов в академии нам сделали еще дополнительный просмотр в театре: Владимир Леонидович Никонов давал класс выпускникам, и только потом нам официально объявили, кого берут в Большой. Из нашего выпуска взяли 14 человек, а это все-таки много!

— *А как Вы отреагировали на то, что будете танцевать «Жизель»?*

— Я слышала, что вроде бы мне собираются дать «Жизель», но в это совершенно не верила и никакого значения подобным предположениям не придавала. Поверила, когда начала репетировать с Ниной Ананиашвили. Екатерина Сергеевна Максимова тогда уехала, и порядок движений на самых первых репетициях мне показывала Нина, за что я ей очень благодарна. Потом Екатерина Сергеевна вернулась, и мы начали с ней работать. Я же всегда вижу, когда педагогу интересно. А если педагог будет просто так сидеть, в пол смотреть, о своем думать, пару замечаний сделает, и вся репетиция так пройдет, — мне тоже скучно делается. С Екатериной Сергеевной я сразу почувствовала, что во мне какие-то новые, неведомые возможности открываются...

— *А Вы Максимова в «Жизели» видели?*

— К сожалению, не видела. Даже видеопленку с ее исполнением пока нигде найти не могу. Но, может быть, это и к лучшему — иначе я бы невольно начала ее копировать, а ведь мне хочется сделать свою Жизель, ни на кого не похожую! Максимова же я видела только в «Анжете» и еще в телевизионных балетах. Даже предположить никогда не могла, что буду с ней работать. Это казалось какой-то несбыточной мечтой, к которой страшно было прикоснуться, и вдруг... Мне до сих пор не верится! Екатерина Сергеевна одним своим присутствием действует на меня как-то магически: на репетициях у меня вдруг все сразу перестает болеть, я

На уроках мастерства
с Екатериной Максимовой
Master class with
Ekaterina Maksimova

забываю об усталости, а ее замечания настолько помогают, что открывают во мне "второе дыхание". Максимова не только отшлифовывает со мной каждое движение, но, главное, учит постоянно находиться "в образе", ни на секунду не забывая об актерской линии роли. В "Жизели" же нельзя просто встать в красивую позу и ни о чем не думать! Нет, Жизель даже во втором акте не мертвая и не холодная — она все время должна ощущать присутствие Альберта, внутренне "откликаться" на каждое его прикосновение: ведь она же его любит, спасает, она ему всю душу свою отдает! И надо так станцевать, чтобы зрители поняли, что Жизель чувствует, потому что тогда зрители с тобой вместе переживают — а это

для балерины так важно! И все "сказанное" тобой на сцене обязательно должно дойти до четвертого яруса: нужна не только широта жестов, но и широта эмоций — так меня Екатерина Сергеевна учила.

— Сюжет "Жизели" строится на драме обманутого доверия. Вы сами сталкивались в жизни с подобной ситуацией?

— Нет, к счастью не сталкивалась: мама меня с детства от подобного оберегала. Да и дома у нас в семье всегда было настолько спокойно... Ну, ссорилась, конечно, с кем-то из друзей, иногда разочаровывалась. Но такого крушения всех надежд никогда не происходило. Репетируя "Жизель", я сейчас исхожу не из собственных жизненных ситуаций, а из сюжета спектакля. Мне

кажется, совсем не обязательно чувствовать на сцене также, как в жизни. Гораздо интереснее перевоплотиться в Жизель, чем воспроизводить собственные переживания.

— Если Вы, дай Бог, удачно станцуете "Жизель", на Вашу голову обрушится ранняя слава, потому что сам факт Вашего участия в премьерном спектакле — уже сенсация. Все же ждут рождения новой балетной "звезды". Вы готовы к такому испытанию?

— Ну что Вы, я об этом сейчас вообще не думаю! Даже когда меня в училище хвалили, я на подобные слова никогда внимания не обращала: ну похвалили, ну а дальше что? Похвала ведь ничего не значит — я же сама понимаю, сколько мне еще надо работать, сколько надо понять, постичь, сколько еще надо всему учиться! Да и про недостатки свои знаю. Но перед премьерой пока страха не испытываю. Ведь когда не просто играешь, а по-настоящему живешь на сцене — волнение уходит...

— А какие еще партии Вы хотели бы станцевать в Большом театре?

— Мне нравятся неземные, романтические образы, такие как Сильфида и Жизель. А еще хотелось бы станцевать Анюту и Машу в "Щелкунчике". Но главное мое желание — это продолжать работу с Максимовой, не ограничиваться только одной "Жизелью", подготовить с ней еще какие-то новые партии. Боюсь, что я уже, наверное, не смогу привыкнуть к другому педагогу. Ведь Екатерина Сергеевна так много мне дает!

Беседу вела
Екатерина БЕЛОВА

THE YOUNGEST GISELLE EVER

An Interview with Svetlana Lunkina

For the first time in the entire history of the Bolshoi Theatre, the most difficult lead part in Vladimir Vasiliev's new production of "Giselle" has been entrusted to an 18-year old Moscow Academy of Dance graduate. Accepted into the Bolshoi Ballet Company last summer and without having danced in effect a single solo part, Svetlana Lunkina was immediately given a role of which all ballerinas dream. And — in a new production! She prepared the role, moreover, under the supervision of Yekaterina Maximova, specially invited to the theatre for rehearsals with Lunkina. In 1960, the young Maximova (true, with two seasons of work and several solo parts to her credit) made a successful debut in this ballet, as the first and much loved pupil of the great Galina Ulanova who handed on

to Maximova her own interpretation of Giselle. And so the chain of continuity between generations, without which the art of modern dance is unthinkable, is carried on.

"After a fairly long gap", Vladimir Vasiliev said before the premiere, "a young girl has now joined our company who, it seems to me, answers to the role of Giselle. She is beautiful, light, graceful, sincere, feminine and, what is more, her technique improves before our very eyes. At the first run through she wasn't intimidated by the vast space of the Bolshoi Theatre stage, didn't lose her composure, on the contrary, she danced better even than in the rehearsal room. Yekaterina Maximova and I were very pleased with her. When creating a new production of an old ballet it is, on the whole, much easier to work

with very young dancers for whom their first major role is a revelation and therefore they, themselves, are often a revelation to the audience".

I talked to Svetlana Lunkina after one of the first rehearsals of "Giselle" on the Bolshoi Theatre stage, three weeks before the premiere.

"Svetlana, who influenced your decision to go to ballet school?"

"Generally speaking, no one in my family had any connection with ballet: Dad worked (and still does) as a printer at the "Nauka" press (he used to bring me home ballet books to read), Mum was a gymnast at the ZIL People's Circus, and my elder sister, Galya, an Institute of Economics and Finance graduate. But, after I was born and then, two and a half years' later, my younger sister Julia (who is also at the